

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern 70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 9 (389)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

14 Мая 1937 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: „Bâtiment 11“

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: «Присяга Сталину».
А. Югов. Выборы и «контроль рублем».
С. Шварц. Пленум ВЦСПС.
А. Глебов. Советская статистика.
В. Александрова. Литературный «юбилей».
П. Гарви. Испытания испанской революции.

Заграницей: К террору против русских социалистов. — Статистика гитлеровского террора. — Съезд Социалистической Партии Америки. — Борьба за рабочие права в Британской Гвиане.

Издания, поступившие в редакцию.
Почтовый ящик.

Фельетон: Ф. Дан. Еще раз: социализм и война.

„ПРИСЯГА СТАЛИНУ“

«Комсомольская Правда» сообщает, будто на первомайском параде в Хабаровске маршал Блюхер звал новобранцев присягать на верность «родине, партии и вождю, товарищу Сталину». В других московских газетах, дошедших до нас ко времени выхода этого номера в свет, о таком призыве Блюхера ничего не говорится. Но произнес-ли он эти слова, или корреспондент «Комсомольской Правды» сам договорил их за него, — важно и существенно то, что язык комсомольского органа высказал громко лишь то, что у всех «на уме», и, главное, то, что есть.

Сейчас же после расстрела Зиновьева, Каменева и др. мы писали (см. «С. В.» № 16 от 30 августа 1936 г.), что учиненная Сталиным бойня

свидетельствует об одном из двух: либо почва уже уходит из-под его ног и самая непосредственная опасность уже нависла над его головою, — и в этом случае надо в самое ближайшее время ждать с его стороны новых расправ, и на сей раз с самым ближайшим его окружением; либо же он спешно готовит, одновременно с актом утверждения новой конституции, какой-то другой акт, формально провозглашающий его сверх- и над-конституционным «отцом отечества», пожизненным консулом или чем-нибудь в этом роде.

Все последовавшее затем доказало, что оба эти предположения на деле предвосхищали лишь две стороны одного и того же процесса — процесса подготовки плебисцитарного закрепления сталинской диктатуры.

Подготовка «всемирного» цезаристского плебисцита требовала не только заблаговременного уничтожения всех возможных центров сплочения возможной оппозиции, но и истребления всех потенциальных конкурентов и претендентов на власть и тех, на кого эти конкуренты и претенденты могли бы опереться. Она требовала беспощадной «чистки» государственного и партийного аппарата от элементов, хотя и подвергшихся значительному бюрократическому перерождению, но воспитанных в «партийных» традициях предреволюционного и революционного периода «старого большевизма» и могущих найти в этих традициях опору для противодействия прикрывающемуся плащом «всемирности» диктатору. Она требовала прогрессивного вытеснения их со всех, больших и малых, «командных постов» и замены их на этих постах «новыми людьми», совершившими свое социальное восхождение под эгидой сталинской диктатуры, никаких традиций кроме «традиций» этой диктатуры не имеющих, ей всем обязанных и потому лично Сталину «без остатка преданных».

Но, чем шире размахивается меч «чистки», чем глубже врезается он в самую верхушку государственного и партийного аппарата, чем больше ставит он под угрозу самое «ближайшее окружение» диктатора, тем больше нарастает опасность «дворцового переворота», который ни в малой степени не способен изменить бона-

партистски - плебиситарного направления развития политического кризиса, действительно переживаемого пока одной лишь верхушкой советского общества, но который имеет жизненное значение с точки зрения личной судьбы активных деятелей этого кризиса. И тем свирепее становится расправа, тем судорожнее всесторонняя подготовка «сталинского» плебисцита.

Успешный «захват» Сталиным высшего органа политической полиции, верноподанно - сталинские речи, произнесенные главою армии на московском майском параде и на приеме участников парада (см. «Правда», 4-го мая), говорят как будто о том, что ему удалось овладеть основными «силовыми» факторами советского аппарата и тем самым, если не окончательно уничтожить, то сильно ослабить возможность и вероятность «дворцовых» сюрпризов всякого рода. Будущее покажет, насколько прочна эта сталинская «победа». Но пока что вся политическая жизнь Советского Союза окрашена этию «бегом на скорость» между «дворцовым переворотом» и «сталинским» плебисцитом. Подготовка плебисцита роит опасность переворота; опасность переворота заставляет все энергичнее и размахистее готовить плебисцит. Порочный круг, из которого — мы не раз подчеркивали это — не вырвется политическая жизнь Советского Союза, если или пока на политическую арену не выступит новый фактор — организованное рабочее движение, хотя бы в самых зачаточных своих формах.

Удушить в зародыше возможность возрождения организованного, самостоятельного рабочего движения — эта задача входит одним из самых существенных элементов в подготовку плебисцита. Только в свете этой задачи можно понять ту новую волну репрессий, которая обрушивается на социалистов всех толков и прежде всего — на наших товарищей, русских социалдемократов.

Мы — и вместе с нами социалисты всего мира — с возмущением и негодованием узнаем о новых повальных арестах социалистов, о перебрасывании их из одних мест ссылки в другие, о заточении их в концентрационные лагеря: имена Ежова и Захаровой станут символом той отчаянной, героической борьбы, которую приходится вести социалистам за самые элементарные человеческие и гражданские права в стране «самой совершенной» ...сталинской «демократии».

Но в то же время мы — и вместе с нами опять-таки социалисты всего мира — не можем оценить этих возродившихся и вновь принявших массовый размах репрессий иначе, как предупредительную меру против возрождения рабочего движения, как свидетельство возрастания разрыва сталинской диктатуры с этим движением и указание на ту историческую роль, которую может и должна сыграть социалдемократия в его возрождении.

Русская социалдемократия, благодаря всей политике ее за двадцатилетие «большевистской» революции, заняла слишком определенное место в Социалистическом Интернационале, «единого фронта» с которым вынуждена теперь добиваться сталинская диктатура, чтобы ей можно было подкинуть обвинение в терроризме, вредительстве, шпионстве, пораженчестве и «связи с Гастапо»: позорный провал якобы-«меньшевистского» процесса 1931 года, надо думать, и для самых тупоголовых чекистов послужил достаточным предостережением!

Нет, если всесильная диктатура снова обрушивается градом преследований на людей, в течение свыше 15 лет ею-же терзаемых и истязаемых в тюрьмах, концлагерях и местах ссылки, ею-же лишенных за это полуторадесятилетие почти всякой возможности общения с трудящимися массами, то это значит, что она боится — боится не этих измученных людей, конеч-

но, а той социалдемократической идеи, несгибаемыми носителями которой остаются Ежовы и Захаровы. Сталинская диктатура хорошо знает, что при первых-же проблесках политического оживления, — а в известной мере она сама вынуждена создавать это оживление своей плебиситарной кампанией, — вышедшие из оцепенения рабочие массы будут неизбежно искать и находить дорогу к социалдемократии, как социалдемократия будет искать и находить дорогу к массам.

Благодаря «насиловственным сторонам диктатуры», как теперь, на пороге «самой совершенной демократии» деликатно именуется террор (см. статью Кнорина о «расширении базы диктатуры» в «Правде» от 26 апреля), рабочие массы Советского Союза давно ничего не слышали о социалдемократии и, быть может, забыли даже ее имя. И все же взаимное притяжение между пробуждающимися рабочими массами и социалдемократической идеей совершенно неизбежно, ибо сама «идея» эта есть не что иное, как отлитая в ясные и отчетливые формы, быть может, — еще смутная, но неумирающая и не могущая умереть идея рабочего класса. Их растущее взаимопитание будет одновременно и симптомом, и стимулом, и результатом возрождения рабочего движения. Возрождение этого движения и возрождение социалдемократии будут лишь двумя сторонами одного и того же процесса — процесса активного возвращения рабочего класса на политическую арену.

Сталинская диктатура хорошо знает, что это возвращение будет решительным ударом — не по той или иной разновидности рождающегося бонапартизма, а по самому принципу бонапартистского завершения великой русской революции, прикрывающегося декламацией о завершении строительства социализма, о бесклассовом обществе и о самой совершенной и притом «всемирной» демократии. Она хорошо знает это и именно потому все пускает в ход для того, чтобы это возвращение задержать и предотвратить. И в числе этих средств борьбы против возрождения рабочего движения одним из самых важных оказывается для всемогущего, «тоталитарного» диктатора новый разгром социалдемократии, как будто уже окончательно стертой с лица советской земли и загнанной в глубочайшее подполье, новая расправа с социалдемократами, свыше полтора десятка лет оторванными от родной рабочей почвы и наглухо закупоренными в медвежьих углах ссылки!

С чувством глубочайшего негодования и презрения по адресу кнутабойцев, с чувством величайшей боли за наших славных товарищей, брошенных снова на крестный путь тюрем, концлагерей, голодовок, встречаем мы эту новую бурю репрессий. Но в то же время мы с гордостью констатируем это признание неумирающей силы социалдемократической идеи ее беспощадными палачами.

Но наши товарищи в Советском Союзе, свыше 15 лет мужественно и бестрепетно несущие свой тяжелый жребий, показали, что мы, социалдемократы, верим в неумирающую силу нашей идеи не меньше, чем ее преследователи; что мы не меньше, чем они, убеждены в неизбежности ее слияния с возрождающимся рабочим движением и в ее великом будущем.

Сталинская диктатура может терзать и убивать социалдемократов, она не может убить социалдемократию. В том первом открытом политическом бою, к которому ведет страну сталинский плебисцит, Сталин, быть может и даже вероятно, победит и заставит ее «присягать» себе. Но все те, кто хранит верность не «присяге Сталину», а присяге делу рабочего класса и социализма, все они, быть может, и сами то-

го не зная, будут собственными руками строить фундамент социалдемократического возрождения.

Всемогущ и всевластен великий Сталин. Бесконечно слаба и бессильна социалдемократия. И все-же в той исторической битве между двумя «присягами», которая начинается, но не кончается «сталинским» плебисцитом, конечная победа будет принадлежать не Сталину, а той идее, носителем которой является социалдемократия и которую она хочет передать и передаст новым поколениям советского рабочего класса: не бонапартизму, а идее подлинной, опирающейся на

подлинную организованную самостоятельность трудящихся, демократизации советского режима, как фундамента подлинного строительства социализма. Эту идею понесут в первые «демократические» выборы десятки тысяч классово-сознательных, т. е., как бы они сами ни называли себя, социалдемократически настроенных рабочих, которых никакая диктатура, как бы «тоталитарна» она ни была, ни «выловить», ни истребить не может. И эта идея, идея рабочего социализма, победит в Советском Союзе так же, как победит она во всем мире...

А. ЮГОВ.

Выборы и „контроль рублем“

Расправа с «вредителями», арест Ягоды и его ставленников, прорыв на угольном фронте и тревога за урожай настолько захватили общее внимание, что только что изданный декрет: «Об освобождении сельских советов от обязанностей по исчислению и взиманию денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок» — остался почти не замеченным.

Между тем, его значение очень велико.

Впредь, согласно этому постановлению, сельские советы не будут ни взимать общегосударственных налогов, ни собирать натуральных поставок. Эти обязанности будут возложены на специальных инспекторов, уполномоченных и ревизоров.

Чем вызвано издание этого постановления, которое требует радикальной реорганизации государственного низового аппарата и создания дополнительной чиновничьей армии в 40 тысяч человек?

«Правда» в единственной статье, посвященной этому декрету, дает весьма характерную мотивировку необходимости нового мероприятия: взимание налогов и поставок снижает авторитет советов... «Руководящие работники сельских советов, увлеченные финансовой работой, слабо реагировали на жалобы трудящихся, требования и запросы избирателей, отрывались от масс... Ответственность за те или иные ошибки население несправедливо относилось за счет сельских советов: тем самым подрывался авторитет низовых советских работников».

Оказывается, по «Правде», что в рабоче-крестьянском государстве взимание налогов и поставок на общегосударственные нужды с неизбежностью влечет за собою «отрыв от масс» и «потерю авторитета».

Но еще более любопытно то, что Сталин и Молотов оказывается предпочитают, чтобы недовольство, рождающееся у 120 миллионов человек, живущих в деревне («2/3 всех избирателей»), — пишет «Правда» — при взимании у них налоговых и натуральных повинностей, направлялось против центральных властей, чем против сельских советов.

Конечно, сейчас, накануне выборов, советская власть весьма озабочена тем, чтобы раздражение населения против представителей советов, выколачивавших налоги и поставки, смягчилось. Можно даже допустить, что центральная власть в интересах оживления сельских советов решила направить их деятельность «на руководство местным хозяйством, народным просвещением, здравоохранением и дорожным строительством».

Но принятие центральной властью на себя всего недовольства населения налоговыми тяготами лишь во имя поднятия авторитета местных представительных органов... такая трогательная заботливость вызывает естественную подозрительность.

Мы думаем, что деловой и политический смысл нового декрета в ином.

Советская власть уже давно стремилась централизовать функционирование всего аппарата по взиманию налогов и поставок и лишь искала удобного повода для изъятия всего финансового дела из ведения местных советов.

Сейчас, когда высоко-политические соображения поставили в порядок дня «демократизацию советов», необходимость централизации всего налогового аппарата и предохранения его от всяких выборных случайностей сделалась особенно насущна.

Можно рискнуть тем, что, несмотря на тысячу предохранительных мер, где-нибудь, в одном из сельских советов сгруппируются элементы, имеющие особое мнение о том какую следует вести политику в отношении крестьян, — для борьбы с этим советская власть не остановится перед чрезвычайными средствами, — но диктатура не может допустить, чтобы фактическое взимание налогов и хранение полученных средств было в ведении органов, непосредственно выбираемых населением, да еще по системе всеобщего и тайного голосования.

Такова психология диктаторских властей, страхующих себя от избирательных случайностей.

«Мы — единственная власть в мире, не боящаяся суда избирателей», — писала «Правда» некоторое время назад.

Но на всякий случай диктатура предусмотрительно перед выборами изымает из ведения сельских советов все налоговые и финансовые дела (кроме распоряжения средствами, получаемыми по самообложению) и передает их в ведение инспекторов и уполномоченных, установив при этом, что эти чиновники находятся в непосредственном подчинении Наркома финансов и Комитету Заготовок при СНК Союза ССР. Особый пункт требует, чтобы на эти должности назначались «люди политически подкованные, вполне проверенные и преданные советской власти».

Таким образом, новое постановление продиктовано не столько потребностью «повернуть сельские советы — лицом к избирателю!», сколько стремлением обеспечить центральной власти «контроль рублем».

Многое можно уступить, но не распоряжение кассой! Это правило твердо усвоено центральными органами власти Союза.

Но каковы бы ни были мотивы диктатуры, когда она изъела из ведения сельских советов финансовые и налоговые функции, на ближайшее время сельские со-

веты от этого могут только выиграть. Конечно, если крестьянское население проявит общественную активность.

Если при выборах в сельские советы, крестьянство, колхозное и неколхозное, сознательно устранил из делегатов советов всех тех, кто в тяжелые годы раскулачивания, принудительной коллективизации, чрезвычайных налогов и непосильных поставок пресмыкался перед властью и предавал интересы односельчан — это будет не только справедливое возмездие, но и будет способствовать превращению советов в действительное крестьянское представительство.

И если местные советы, освобожденные от роли «выколачивателей налогов и недоимок», займутся не только постройкой дорог и оборудованием школ, но поставят своей задачей всестороннюю защиту интересов крестьянства, и в первую очередь от несправедливости и насилия властей и партийных сатрапов, то этим они и удовлетворят насущные нужды крестьянства, и будут способствовать укреплению авторитета местных выборных органов.

Конечно, в будущем, на какой-то стадии развития, неизбежно встанет задача превращения местных органов самоуправления в органы местного управления и остро выяснится необходимость расширения права местных органов на распоряжение денежными средствами, взимаемыми с населения.

Но на ближайшей стадии, когда перед сельскими советами раньше всего стоит задача добиться доверия местного населения и вытравить из его сознания представление о советах, как о послушных агентах центральной власти, сужение государственных функций и сосредоточение внимания на элементарных, но насущных нуждах населения — есть несомненное благо.

Пусть лицемерно мотивировала советская власть новое постановление желанием поднять авторитет сове-

тов, но задача активных элементов современной деревни добиться того, чтобы новые советы в действительности были не послушными агентами всяческих наркоматов и партийных властей, а действительными представительствами трудящегося населения.

С. ШВАРЦ.

Пленум ВЦСПС

После перерыва почти в два с половиной года пленум ВЦСПС, наконец, опять собрался. И полились без конца обличительные речи. По своей продолжительности, по пространности дебатов пленум далеко вышел за рамки всех предыдущих пленумов ВЦСПС и скорее напоминает Всесоюзную конференцию профсоюзов. Но в истории советского — не только советского — профдвижения еще никогда не было съезда или конференции, которые хотя бы в отдаленной степени так насыщены были критикой всей деятельности профсоюзов. Это была основная, в сущности единственная тема, о которой пространно говорилось на пленуме; всех прочих вопросов касались здесь лишь очень бегло. Но как ни решительно бичевали себя современные профсоюзные «вожди», как ни настойчива, казалось бы, была критика, как ни убедительны бесчисленные иллюстрации удушения демократизма в профсоюзной практике, бюрократического перерождения профсоюзного аппарата, глубоко вевшегося в профсоюзный быт коррупционизма (под стыдливым флагом самоснабжения), — на происходивших на пленуме прениях лежала печать какой-то призрачности. Читая отчеты о прениях на пленуме, начинаешь все острее ощущать мнимый характер этого подчеркнутого демократизма, мнимость раскаяния ответственных руководителей профдвижения, мнимый характер их критических выступлений. И

Ф. ДАН.

Еще раз: социализм и война

Социалисты борются за мир. Социалисты отказываются делать войну орудием своей политики и, наоборот, делают все для ее предотвращения. Насчет этого в условиях нашего времени (в эпоху Маркса это было иначе!) нет никаких разногласий не только между социалистами, но, кажется, и между социалистами и коммунистами: время, когда большевики считали возможным нести другим народам социализм «на штыках», как будто отошло в прошлое.

Но война, которой не хотят не только социалисты, а подавляющее большинство человечества, может быть навязана и человечеству, и им условиями жизни или — для нашей эпохи это вернее — умирания капитализма. Именно сейчас военная опасность нарастает с каждым часом. Каково-же будет, каково должно быть отношение социалистов к навязанной им войне?

Можно ответить на этот вопрос, — и некоторые товарищи так и отвечают на него, — что, отвергая войну, следует предупредить или, по крайней мере, оборвать ее пролетарской революцией, если не во всем мире, то во всех воюющих странах. Такой ответ имеет свою принципиальную ценность, намечая направление социалистической работы в борьбе за мир и против войны. Но он не дает практиче-

ски-политического разрешения поставленного вопроса.

Конечно, рабочая революция, победа социализма — и притом не в одной стране, а, по крайней мере, в решающих странах капиталистического мира — есть единственный способ навсегда положить конец варварству войн. Поэтому социалистическая борьба за мир не может не быть неразрывно связана с борьбой за низвержение капитализма и за победу пролетарского социализма. Но революция есть бурный стихийный процесс, подготавливаемый сочетанием тысяч факторов и не могущий быть «сделанным» по заказу. Если бы можно было «назначить» революцию по своему усмотрению, то конечно все мы предпочли бы сделать ее не завтра, а сегодня, и независимо от всякой военной опасности: и помимо войны у рабочего класса имеется достаточно оснований желать как можно скорее освободиться от капиталистической эксплуатации! Но действительный вопрос, который стоит перед социализмом, заключается не в том, предпочитает ли он мир и революцию войне, а в том, какую политическую позицию следует занять ему, как классово-сознательному авангарду пролетариата, в том случае (а этот случай в наличных условиях представляется наиболее вероятным), если ра-

отною не потому, что критика эта неверна. Напротив: мрачная характеристика состояния профдвижения, увы, вполне отвечает действительности; но при всей своей кажущейся смелости критика эта начинает топтаться на месте, как только она приближается к выяснению вопроса о причинах беспримерного упадка советского профдвижения. Это критика не для действительного преодоления глубокого кризиса профдвижения, а критика, как это ни парадоксально, во имя восстановления авторитета обанкротившихся профсоюзных «вождей», критика во имя спасения не профессионального движения, а его развращенной бюрократии.

Сейчас подводятся итоги восьмилетнего бесконтрольного властвования в профдвижении назначенцев ЦК ВКП, на которых было возложено руководство советским профдвижением после насильственного устранения Томского, всего за несколько месяцев до того — на 8-ом съезде профсоюзов — единогласно переизбранного на пост председателя ВЦСПС. Итоги этого восьмилетия превзошли все самые мрачные ожидания. Еще только в предыдущем номере «С. В.» я имел случай дать их уничтожающую характеристику — словами официального органа советского профдвижения. Эти восемь лет были годами даже не умирания, а постепенного умерщвления профдвижения, доведенного под конец до состояния глубокого морального и организационного маразма. Непосредственно ответственны за такое состояние профдвижения Шверник и его товарищи по секретариату ВЦСПС. Во всяком движении, для которого демократизм не ширма, а закон внутренней жизни, такие итоги восьмилетней работы решали бы бесповоротно судьбу руководства. Но у нас Шверник сам выступает в роли главного обвинителя. Правда, в своем докладе на пленуме он сосредоточил свое внимание преимущественно на недостатках работы ЦК союзов и попытался несколько замазать грехи ВЦСПС. Но когда в прениях председатели ЦК союзов и прочие участники пленума напомнили секре-

тариату ВЦСПС многое из того, о чем «забыл» рассказать Шверник, он не испытал ни малейшего смущения. Его не взволновало даже и выступление председателя ревизионной комиссии ВЦСПС Талалая, рассказавшего о чудовищных нравах, царящих в финансовом хозяйстве ВЦСПС, израсходовавшего более полу-миллиона из сумм социального страхования на содержание столовой президиума ВЦСПС и из средств, предназначенных на содержание детских домов и поддержку пионерского движения, позаимствовавшего более 200.000 рублей опять-таки на содержание своего «аппарата». Ну, «позаимствованы» средства детских домов или, как отметил «Труд» накануне созыва пленума (27-го апреля), расходует ВЦСПС «большие средства» «без всякого режима экономии» на содержание подмосковных домов отдыха «для профактива», — стоит ли из-за этого особенно волноваться? В своем заключительном слове, «подводя итоги прениям, в которых приняли участие 71 человек», Шверник с беспредельным самодовольством подчеркнул, что «несмотря на довольно разностороннюю критику недостатков ВЦСПС и профсоюзов, выступавшие все же не вскрыли с исчерпывающей полнотой всех недостатков». Такого не проймешь!

В качестве искупительной жертвы за грехи руководства ВЦСПС выброшен пока за борт один лишь Полонский. О нем Шверник неожиданно упомянул в своем докладе, как о бывшем секретаре ВЦСПС. Когда и в каком порядке Полонский, буквально еще за несколько дней до пленума числившийся одним из 6 секретарей ВЦСПС, перешел в «бывшее» состояние, так и осталось секретом; на пленуме никто не решился даже поставить открыто этот вопрос. Устранение и назначение «демократического» руководства профдвижения происходит в порядке закулисных махинаций. Сейчас, когда я пишу эти строки, пленум еще не кончился. Возможно, что к концу его произойдут и еще какие-либо изменения в составе руководства ВЦСПС, но все эти изменения не вносят пока ничего принципиально

бочей революции в соответствующих странах не удастся предотвратить войну или оборвать ее в самом начале.

Этот именно вопрос поставили теоретически перед общественным мнением Социалистического Интернационала свыше года тому назад «тезисы», подписанные Отто Бауэром, Жиромским, Дюнуа и мною, а затем и «тезисы» Заграничной Делегации нашей партии. Но его же почти одновременно практически поставила итало-абиссинская война. И, наконец, во весь рост встает он перед международным пролетарским сознанием в связи с испанскими событиями. Ни отмолчаться от него, ни отделаться общими фразами и лозунгами уже нельзя: ведь слишком очевидно, что речь идет о чем то, жизненно важном не только для судеб испанской республики, но для судеб всего мирового рабочего движения! Не доработаться до ясного сознания своих задач и своей роли в угрожающей европейской и мировой войне, значило бы для социализма идти с закрытыми глазами навстречу величайшей опасности, надвигающейся на него и на весь рабочий класс.

Я не могу повторять здесь подробно аргументацию тех, взаимно дополняющих друг друга «тезисов», о которых я упомянул выше. Я хочу лишь напомнить основные мысли этих документов.

Они исходят из того, что отношение марксистского

социализма к войне никогда не было и не может быть догматическим: оно всегда определялось и должно определяться не абстрактными и вечными «принципами», а конкретным анализом меняющейся исторической обстановки.

На заре организованного, классового движения пролетариата, в 50-х и 60-х годах прошлого века Маркс мог стоять за известного рода войны (в частности за войну Германии против царской России), в которых он видел орудие торжества демократии в Европе, являвшегося в его глазах, в свою очередь, необходимой предпосылкой развития и конечной победы социалистического рабочего движения. В «великой» войне 1914-18 года марксистский социализм не мог по-просту «повторить» Маркса, хотя в одном из воюющих лагерей была царская Россия, а в другом Германия. Анализ исторической обстановки, в которой вспыхнула эта война, показывал, что основной исторический смысл ее заключался не в борьбе между «демократией» и «царизмом», а в борьбе различных национальных капитализмов за господство над миром и за его раздел. В таких условиях сам Маркс конечно действовал бы иначе, чем он действовал свыше полувека до того. И естественным выводом из этих условий была та позиция, которую занял по отношению к данной войне революционный («циммервальдский») марксизм и которая сводилась по существу к «нейтралитету», одинаково враждебному с е м воюющим капитализмам, к требованию «мира во что бы то ни стало» и к лозунгу: «ни победителей, ни побежденных».

нового, они производятся в порядке отбора назначенцев, отбора сверху, осуществляемого ЦК ВКП, предписывающим свою волю профессиональному движению. И если завтра Шверник будет заменен Андреевым или Аболин с Евреиновым кем-либо из Ежовских молодцов (кстати, ведь и Ежов номинально член ВЦСПС, хотя и не присутствовал на пленуме), от этого еще ничто не изменится. Хрен редьки не слаще.

А между тем жизнь стучится в двери. Мы еще не знаем резолюций пленума, но уже из докладов и прений на пленуме ясно, что ряд его решений будет иметь очень большое значение для всего дальнейшего развития профдвижения. В профсоюзах вводится тайное голосование, усиливается роль общего собрания членов профсоюза, особенно в низовых профорганизациях, осенью состоится съезд профсоюзов. Создаются опорные точки для борьбы против самовластия профсоюзной бюрократии за превращение союзов в органы свободной массовой самостоятельности. Конечно, борьба эта будет нелегка. Конечно, профсоюзная бюрократия будет цепко держаться за свою власть (и за кассу!), но тихой сапой, настойчивостью и массовым напором организованные в союзы миллионы рабочих и служащих могут заставить отступить и самую изощренную бюрократию.

Борьба за превращение союзов в органы массовой самостоятельности, или проще: борьба рабочих масс за союзы облегчается и тем, что задачи профсоюзов сейчас расширяются и им вновь отводится более или менее значительная роль во всех вопросах, непосредственно интересующих рабочих и служащих в качестве продавцов рабочей силы. Конечно, эта «трэдунионистская» формула у нас отвергается, но по существу это не имеет решающего значения. Важно в частности, что союзы вновь должны как-то влиять на политику заработной платы, отошедшую было в бесконтрольное ведение хозяйственников, и что вновь встал вопрос о коллективных договорах,

о которых у нас вот уже около трех лет стыдливо молчали. На этом стоит остановиться подробнее.

В самый день открытия пленума (28-4) в «Труде» была помещена статья председателя одного из союзов, отмечившая, что союзы «занили совершенно неправильную позицию невмешательства в планирование, разработку систем зарплаты и нормирования труда». Эта явно заказанная статья должна была, очевидно, подготовить общественное мнение. Правда, автор статьи мотивирует необходимость для союзов вновь заняться вопросами заработной платы тем, что «мы обязаны помочь хозяйственникам в этой работе», но эта аргументация явно от беспомощности. В другой тоже явно заказанной статье зампред завкома одного крупного провинциального завода поднял почти накануне пленума вопрос о колдоговорах: «Надо твердо решить: существует ли коллективный договор или нет? Рабочие осаждают нас вопросами: действует или нет заключенный три года назад коллективный договор? А мы не знаем, что ответить на этот вопрос. Я думаю, что коллективный договор еще нужен» («Труд» от 24-го апреля). Вопросы эти, видимо, немало волновали пленум; это сказало даже в тех очень кратких отчетах, которыми мы вынуждены пользоваться:

«Неправильную линию занял ВЦСПС в вопросах заработной платы. Нельзя сводить роль профорганизаций в отношении политики зарплаты к роли наблюдателей, созерцателей. Заработная плата — это наиболее волнующий рабочих вопрос, и в этом вопросе профсоюзы должны показать свою активность» (Подрезов, предзавкома Кировского завода в Ленинграде).

«Плохо занимаются профсоюзы и вопросами зарплаты. Мы от этого дела самоустранились. У нас сейчас колдоговоры лежат под сукном, и мы не знаем, что делать, так как по существу колдоговоров нет» (Непоп, предзавкома Челябинского тракторного завода).

В этих вопросах отступление еще только началось. В другой области, также живейшим образом затрагивающей интересы рабочих, в области охраны труда оно уже широко развернулось. Еще на состоявшемся

Но и эта позиция революционного марксизма в войну 1914-1918 годов не может быть «рецептом», годным на все времена и для всяких войн. «Повторить» ее мы имели бы право лишь в том случае, если бы исторические условия и смысл новой войны, надвигающейся на человечество, оставались такими же, какими были два десятилетия тому назад. Но именно марксистский анализ действительности вскрывает глубокое различие двух эпох, хотя их и разделяет сравнительно небольшой промежуток времени.

Этот анализ убеждает, что война 1914-1918 годов произвела надлом в развитии капитализма, подрезала его жизнеспособность, открыла собою эру его неудержимого упадка, когда вся жизнедеятельность господствующих классов капиталистического общества — в том числе их внешне-политическая и военная жизнедеятельность — все больше окрашивается их заботой о сохранении своего социально-экономического господства, хотя бы ценою хозяйственного, политического и культурного упадка того общества, во главе которого они стоят и которым управляют. Идейно-политическим выразителем этих регрессивных тенденций господствующих классов и является фашизм.

Фашистские настроения все сильнее охватывают капиталистическую буржуазию всех стран. Но в некоторых странах фашизму удастся, в силу особых условий исторического развития этих стран, увлечь за собою широкие массы мелкобуржуазного населения и одержать полную победу. Наоборот, в других еще держатся более или менее демократические госу-

дарственные формы существования капиталистического общества, но держатся они исключительно на основе более или менее прочного и тесного «союза» мелкобуржуазных слоев с рабочим классом — осуществляется ли этот союз в форме политически-консервативной правительственной коалиции (скандинавские страны), в форме-ли предреволюционного «народного фронта» (Франция), или, наконец, в форме открытой революционной борьбы против фашизма (Испания).

Но что характерно для нашей эпохи так это то, что везде и всюду политическая демократия может держаться лишь постольку, поскольку она сближается с элементами пролетарского социализма и ими пропитывается. И, наконец, тот же марксистский анализ вскрывает ту особую роль, которую играет в системе мировых сил Советский Союз — при всех пороках и опасностях возглавляющей его и вырождающейся большевистской диктатуры остающийся еще страной революции, которая уничтожила господство капиталистических классов и до сих пор еще не допустила восстановления этого господства.

В такой исторической обстановке мотивы социального порядка (борьбы за самосохранение) не могут не играть все возрастающей и, в конце концов, преобладающей над мотивами чисто экономического («империалистического») порядка роли и во внешней, а потому и в военной политике господствующих классов упадочного капиталистического общества. Основным содержанием грозящей войны, из-за чего бы

ся в конце марта собрания актива ВЦСПС подверглась решительному осуждению проводившаяся в последние годы политика самоотстранения профсоюзов от охраны труда, нашедшая свое законченное выражение в начале 1936 г. в брошюре и статьях Полонского, в то время, видимо, пользовавшегося особой благосклонностью Сталина*). Пропагандировавшаяся Полонским идея передачи дела охраны труда из ведения профсоюзов в ведение хозорганов и хозяйственных Наркоматов**) стала тогда знаменем ВЦСПС и если формально и не была осуществлена, то фактически оказала определяющее влияние на все установки ВЦСПС в вопросах охраны труда. Сейчас все это изображается иначе. Шверник и Вейнберги мечут громы против возмутительных установок Полонского в вопросах охраны труда, с которыми они де никогда «не были согласны», хотя и «не сказали этого открыто» («Труд» от 2-го апреля). И все принимают это явное вранье, как что-то само собой разумеющееся, и только Артюхина на пленуме ВЦСПС неделикатно заявила: «Почему ВЦСПС раньше молчал — это так и осталось неизвестным» («Труд» от 4-го мая).

Неважно, договорились ли сейчас Шверник с Полонским (конечно, по указанию свыше) о распределении ролей в интересах облегчения отступления ВЦСПС или Шверник, пытаясь спасти свою репутацию, просто предаст Полонского (следуя в этом, кстати сказать, став-

*) В речах и статьях Полонского в конце 1935 г. была наиболее полно изложена «знаменитая» и в свое время, засекреченная «беседа» Сталина с секретарями ВЦСПС о кризисе профсоюзов, состоявшаяся в мае 1935 г. Факт, что сообщения эти были поручены Полонскому, лишь незадолго до беседы Сталина вошедшему (по распоряжению ЦК ВКП) в состав секретариата ВЦСПС, конечно, не случаен. И советская общественность сделала из этого факта все выводы: для нея тогдашние выступления Полонского были выступлениями лица, представлявшего в профдвижении «самого» Сталина. И так оно, конечно, и было.

**) Об этом см. статью «Стахановское движение и охрана труда» в № 4 (360) «С. В.» от 26-го февраля 1936 г.

она ни началась, неизбежно будет все больше становиться «решающий бой» между фашизмом, как последним оплотом регрессирующего капитализма, и социалистической демократией, как первым этапом рвущегося к воплощению социализма.

В этой схватке между фашизмом и социалистической демократией, между капитализмом и социализмом, классово-сознательный пролетариат не может быть «нейтральным», не может требовать мира «во что бы то ни стало», не может провозгласить: «ни победителей, ни побежденных». Нет, его кровные интересы, как и интересы всего трудящегося человечества требуют, чтобы накликавший войну фашизм вышел из нее побежденным и разгромленным! И поскольку гитлеровская Германия, страна наиболее развитого капитализма и наиболее тоталитарной фашистской диктатуры, является в нашу эпоху таким же «узловым» жизненным пунктом мирового фашизма, каким была для мировой абсолютистской реакции царская Россия в эпоху Маркса, через поражение германского фашизма в подготавливаемой им войне ведет путь пролетарского освобождения.

Современные социалисты — пацифисты. Но их пацифизм должен быть не пассивным и не догматическим, а активным и диалектическим. Можно сказать, что в порядке исторической диалектики современному социализму в его отношении к возможной войне приходится возвращаться, но «на высшей ступени», к позициям Маркса и I-го Интернационала.

шему классическим методу Сталина), важно другое, что хорошо, хотя и несколько наивно выразил на пленуме председатель постройкома Метрострой:

«Мне приходилось слушать доклады тов. Шверника три раза — первый раз в Колонном зале, второй раз недавно на собрании профактива и вот сейчас на пленуме ВЦСПС. Нужно сказать, что тов. Шверник оценивает недостатки работы правильно. Но по существу в работе ВЦСПС ничего не изменяется» («Труд» от 6-го мая).

Не изменяется, верно но лишь до поры до времени, пока вопрос о перестройке профсоюзов не выходит из рамок верхушечного обсуждения на путях фарисейского самобичевания и самоамнистии профсоюзных «вождей». Но эти блаженные времена кончатся. Завтра вопрос будет поставлен пред рабочими массами. Отступить будет уже невозможно и тогда, и только тогда в истории советского профдвижения действительно начнется новая глава.

А. ГЛЕБОВ.

Советская статистика

За двадцать лет своего существования СССР так и не смог создать доброкачественной статистики.

Страна, подчинившая все хозяйство единой воле и единому плану, не может до сих пор добиться, чтобы отчетные данные опубликовывались по сравнимой системе и в определенные сроки.

Ни одна страна не печатает такого громадного количества статистических книг и отчетов на самые разнообразные темы, как СССР, но едва ли можно найти хоть одну мало-мальски крупную страну, вновь публикуемые отчеты которой столь противоречили бы предыдущим, и сами цифры от издания к изданию изменялись бы на потребу новым веяниям.

Не менее печально, что Советскую Россию приходит-

Эти теоретические предвидения «тезисов» успели уже получить практическое подтверждение в ходе развития международных отношений.

Итало-абиссинская война ярко продемонстрировала два факта. Первый: господствующие классы основных капиталистических стран Европы (Англия, Франция), вопреки самым очевидным «империалистическим» интересам своим, не оказывали достаточно решительного противодействия разбойничьему походу итальянского фашизма. Второй: рабочий класс всех стран без исключения, не имея, разумеется, никаких симпатий к тому режиму феодально-полуварварского абсолютизма, представителем которого являлось правительство негуса, в то же время отнюдь не «нейтрально» отнесся к войне между фашизмом и этим абсолютизмом; наоборот, он решительно встал на сторону Абиссинии, активно добивался поражения итальянского фашизма, требовал мира, но мира с «победителем» (Абиссиния) и с «побежденным» (Муссолини).

Испанские события еще более показательны в этом отношении. Гражданская война объединила в Испании мелкую буржуазию города и деревни с пролетариатом и даже поставила ее под руководство пролетариата для борьбы с нарождающимся испанским фашизмом. Но эта гражданская война на деле очень скоро переросла в войну международную — в войну социалистически окрашенной испанской

ся причислить к тем немногим «культурным» странам, которые систематически скрывают отчетные данные по основным областям своего хозяйства. Так, напр., прекратили печатать отчетные данные по своему производству, по ценам, по денежному обращению и т. д. Италия, со времени абиссинской войны и Испания, со времени гражданской войны. Война потребовала тайны...

Но почему эти же данные скрывает или печатает с громадным запозданием и СССР? Почему в ежемесячных отчетах Лиги Наций до сих пор нет данных по СССР по промышленному индексу, по машиностроению, по автомобильному строительству, по золотым запасам, по бумажному обращению за 1936 год и за истекшие месяцы 1937 года, в то время, как все страны — с частно-капиталистическим хозяйством! — уже давно исчислили средние за 1936 г. и дали данные с января по апрель 1937 г. — кроме Италии и Испании.

Почему? Это обстоятельство компрометирует советские отчеты и подрывает к ним доверие в серьезных научных и экономических организациях.

Сейчас во многих антисоветских кругах приобрели большую популярность «сведения о голоде» в СССР в результате «очень низкого неурожая в 1936 году».

Мы считаем, что в 1936 г. Союз имел пониженный урожай, но не разделяем мнения о массовом голоде в СССР в прошлом и текущем годах. Но обстоятельство, благоприятствующее всяким слухам — это неопубликование до сих пор отчета о результатах сельско-хозяйственной кампании 1936 года. Это противоречит практике СССР за прошлые годы и это совершенно необычно для всех мало-мальски культурных стран.

Но в Советском Союзе не только не опубликовывают данных об итогах урожая, в нем старательно скрывают все, что могло бы позволить делать сколько-

нибудь обоснованные предположительные исчисления о размерах этого урожая.

Более того, мы имеем основания утверждать, что, в обстановке тайны, засекречивания, «приспособления цифр» воле высшего начальства, действительные итоги совершенно утеряны, и сами советские статистики запутались, какие цифры на потребу кому ими «планировались».

Приведем один, но весьма яркий, пример.

Не только в общей печати, но даже в специальных журналах тщательно скрывается все, что дало бы веши для исчисления размеров урожая за 1936 год.

Но в органе Госплана и ЦУНХУ СССР, в журнале «План» (№ 3 — 1937 г.) помещена статья П. Месяцева, одного из крупнейших работников Госплана, «Сельское Хозяйство в 1937 г.». В этой статье, конечно, тоже не приводятся данные об урожае 1936 года, но в сознательно разбросанной, рассыпанной форме приводятся цифры, на основании которых можно исчислить размеры этого урожая.

П. Месяцев пишет (стр. 28):

...утвержденный правительством план на 1937 г. устанавливает задание по производству зерновой продукции в 1.084,4 м. ц. против 1.048 м. ц. по плану второй пятилетки. Площадь зерновых культур на 1937 г. установлена в 103.960 тыс. га против 102.441 тыс. га в 1936 году. Задание по урожайности зерновых установлено планом 1937 г. в 10,4 ц. с га, на 28,4% больше средней урожайности за 1932-1936 гг. Прирост всей зерновой продукции в 1937 г. по отношению к среднегодовому сбору за предыдущее пятилетие составляет 239,8 млн. ц. Средняя урожайность зерновых за пятилетие, с 1932 по 1936 г., несмотря на засушливую погоду на значительной части территории СССР, в 1936 г., — составила 8,1 ц. с га...

Эти цифровые данные, казалось бы, позволяют двумя методами установить размеры урожая 1936 г., вернее, тот урожай, который считает достоверным Госплан.

Первый способ. Средняя урожайность зерно-

демократии против итало-германского и даже, можно сказать, мирового фашизма.

Ибо симпатии всей капиталистической буржуазии, в том числе английской и французской, оказались на стороне испанских мятежников, хотя самые насущные интересы британского и французского империализма восстают против утверждения итало-германского фашизма или его ставленников в Испании, т. е. в западном бассейне Средиземного моря после того, как Муссолини удалось уже утвердиться в Абиссинии, т. е. в восточном бассейне его: в поведении капиталистической буржуазии классовые, социальные мотивы явно перевешивают мотивы непосредственной, «империалистической» выгоды.

Отсюда именно — пресловутая политика «невмешательства», принятая английским консервативным правительством и навязанная французскому правительству Народного Фронта. Отсюда и попытки «посредничества», когда выяснилось, что, несмотря на помощь итало-германского фашизма, испанским мятежникам грозит разгром, который может иметь революционные последствия и для фашизма в Германии и Италии. Социалистической революции против фашизма в этих странах (как и в самой Испании) капиталистическая буржуазия всех стран боится больше, чем того ущерба, который агрессивная политика Гитлера и Муссолини может нанести ее чисто материальным интересам.

Но с тем большей силой почувствовал рабочий класс всех стран дело Испанской республики,

как свое собственное дело, почувствовал, что это не только испанские рабочие, крестьяне и ремесленники, но и он сам, «мировой пролетариат» ведет войну — войну не «гражданскую» только, а настоящую международную войну. В первой же международной войне, в которой фашистская Германия играет ведущую роль, весь мировой пролетариат оказался, помимо своей воли и даже часто помимо своего сознания, «воюющей стороной».

Рабочий класс всех стран не провозглашает своей «незаинтересованности»; наоборот, он протестует против политики «нейтралитета» (невмешательства), заявляет о своей готовности помогать испанским республиканцам всеми средствами, в том числе изготовлением и посылкой оружия, приветствует Советский Союз, снабжающий их пушками, танками, аэропланами. Рабочий класс не кричит: «долой войну!», «мир во что бы то ни стало!»; наоборот, он протестует против политики «компромиссного» мира («посредничество») и посылает «интернациональные бригады» не для заключения мира с Франко, а для военного разгрома его. Рабочий класс не требует не только от французского правительства Народного Фронта, но и от заведомо капиталистического и империалистического правительства Англии, чтобы они, во имя сохранения мира, держались в стороне от испанской войны; наоборот, он требует, чтобы они снабжали республиканское правительство Испании оружием, посылали к берегам ее свой военный флот для противодействия, хотя бы силой, «блокаде», объявленной повстанцами и тайно и явно поддерживаемой их

вых, по Месяцеву, за 1932-1936 гг. составляла 8,1 ц. с га. В 1932 г. урожайность была равна 7,0 ц.; в 1933 — 8,8 ц.; в 1934 — 8,5 ц.; в 1935 — 8,7 ц. (данные Наркомзема и Госплана. Сборник Сельское Хозяйство СССР, 1936 г.). Следовательно урожайность в 1936 г. могла быть от 7,3 до 7,7 ц., учитывая колебания от отбрасывания второго десятичного знака.

Принимая во внимание, что, по данным того же Месяцева, посевная площадь зерновых была равна в 1936 году 102.441 тыс. га, валовый сбор зерновых исчисляется в цифре между 748 и 789 млн. цент.

Для проверки берем второй способ исчисления.

«План на 1937 г. устанавливает, — пишет Месяцев, — задание по производству зерновой продукции в 1.084,2 м. ц... Прирост всей зерновой продукции в 1937 году по отношению к среднегодовому сбору за пятилетие 1932-1936 гг. составляет 239,8 млн. ц.»

Легко вычислить среднегодовой сбор за 1932-1936 гг. — 844,4 млн. ц.

В 1932 г. сбор зерновых был равен, по данным Наркомзема и Госплана, 688,7; в 1933 г. — 898,0; в 1934 г. — 894,0; в 1935 г. — 901,0 млн. ц. На основании этих данных можно исчислить валовой сбор зерновых за 1936 год, он равен 840,3 млн. ц.

Пойми, кто может...

Таким образом, на основании данных, помещенных в органе Госплана в одной и той же статье, урожай за 1936 г. исчисляется совершенно различными цифрами, при том весьма далекими друг от друга.

Минимум — 748 млн. ц. Максимум — 840,3 млн. ц.

Так работают Госплан и Наркомзем Советского Союза, накануне своей двадцатилетней годовщины. Таково качество советской статистики!

Знают-ли сами советские статистики и планисты, каков был урожай в прошлом году? Или они планируют

программу 1937 года и третью пятилетку на основании данных, приведенных П. Месяцевым?

Лучше поменьше, но получше!

Вместо десятков всевозможных справочников один, но доброкачественный!

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Литературный „юбилей“

Для понимания той особой обстановки, в которой протекает в Советском Союзе консолидация по-революционного общества, только что официально отпразднованный 5-летний юбилей ликвидации РАПП (Российской Ассоциации Пролетарских Писателей) дает обширный материал.

Постановление ЦК ВКП от 23 апреля 1932 года о роспуске РАПП и о создании единого Союза советских писателей произвело на советскую писательскую общественность гораздо более сильное впечатление, чем этого хотелось закулисным руководителям литературной политики. Недаром 5 лет назад они усиленно разъясняли, что, собственно говоря, ничего и не произошло: к моменту своей ликвидации РАПП давно де вобрала в себя все активные писательские элементы, далеко выйдя за рамки объединения пролетарских писателей и тем самым подготовив почву для создания единого союза; снятие «пролетарской» вывески тоже, мол, не имеет значения, поскольку и в новом союзе обеспечивается пролетарское руководство наличием «коммунистической фракции». РАПП просто изжила себя и в «бесклассовом обществе» больше не нужна. Поскольку же принципы ее организации — как показала практика последних лет — создают опасность групповщины, отталкивания «ближних нам» писателей, ее, эту безобид-

итало-германскими союзниками, — он требует всего этого, хотя отсюда легко может выйти открытая война Англии, Франции и Советского Союза против Германии и Италии, которая, в свою очередь, неизбежно станет прологом общеевропейской и даже мировой войны.

Таковы факты, говорящие громче всяких теорий. И факты эти свидетельствуют о том, что самый характер войн, зловещий призрак которых встает на горизонте, исключает для протектиарата возможность стоять «в стороне», принудительно навязывает ему не «неприятие» войны, а активное участие в ней. Достаточно присмотреться к реакции Социалистического и Профессионального Интернационалов на итало-абиссинскую и особенно на испанскую войну, чтобы увидеть, как, под воздействием неумолимых фактов действительности, меняется военная политика всех социалистических партий, «правых» и «левых» одинаково, всех отрядов рабочего класса. Старый, абсолютный догматический пацифизм явно умирает в пролетариате...

Он умирает, но он еще не умер. И именно господствующие классы капиталистического общества пользуются этими пережитками абсолютно-пацифистской идеологии, рожденной в трудящихся массах горьким опытом «социал-патриотизма» 1914-1918 годов, для того, чтобы везде и всюду спасать социально-родственный им фашизм. Заботой об охранении «мира во что бы то ни стало» и о предотвращении военной опасности мотивировали Лаваль, Хоар и им подобные систематически

практиковавшийся ими саботаж политики санкций, принятой Лигой Наций в защиту Абиссинии от Муссолини. И если и французскому правительству Народного Фронта была навязана политика «невмешательства» в испанскую распрю, то навязана она была не только давлением Англии и не только давлением капиталистической буржуазии Франции, но и — надо признать это — настроением широчайших мелкобуржуазных, крестьянских и даже рабочих масс. Как раз оппозиция наиболее «левых» пролетарских кругов политике «невмешательства» зачастую парализовалась и сейчас еще парализуется их же традиционным, но исторически пережившим себя абсолютным пацифизмом, заставлявшим их причудливо сочетать требование «вмешательства» в пользу испанских республиканцев с требованием, чтобы это вмешательство «ни в коем случае» не создавало военной опасности.

Но танкам, аэропланам и броненосцам Гитлера и Муссолини с успехом могли бы быть противопоставлены лишь такие-же танки, аэропланы и броненосцы Англии и Франции, а отнюдь не молебны, хотя бы и «революционные». Отказаться от такого противопоставления значит в наличной обстановке не «спасать мир», но, в лучшем случае, отсрочить войну, но и сделать ее тем более неотвратимой и ужасной, — если конечно не быть готовым ради мира бросить весь земной шар под железную пугу германо-итальянского фашизма.

Действительно «спасать мир» в современных международных условиях нельзя, не рискуя войной. Эту истину счел наконец нужным высказать председа-

ную, сегодня пережившую себя и свое время старушку, надо было все-же убрать с дороги.

День 23-го апреля 1932 года является в некотором роде исторической датой, так как это постановление было первым в ряде мероприятий компартии и правительства, направленных к консолидации нового по-революционного общества и продиктованных неписаным лозунгом: Даешь дорогу непартийным большевикам! Правда, в 1932 году эти так называемые «непартийные большевики» еще не имели имени, но роль и значение их в новом обществе уже тогда становились все заметнее. Однако, при всем своем немалом удельном весе они еще не решались открыто заявить о своих претензиях. Стрелка официального политического барометра в стране все еще как будто показывала «без перемен», т. е. говорила о сохранении прежнего курса на «диктатуру пролетариата». Логика же роста социального самосознания складывающегося привилегированного слоя повелительно требовала своей заявки. Выросшие в бурях генеральной линии и закрепившиеся в верхних слоях советского общества силы, формально «непартийные», т. е. на деле не связанные ни с революционным прошлым, ни с старыми традициями большевистской партии, а лишь с современной, «тоталитарной» и единоличной, формой большевистской диктатуры, и заявили о своем «праве на жизнь» на наименее защищенном участке официальной идеологии. Таким внутренне разрыхленным участком была область художественной литературы и литературной критики.

Напомним вкратце некоторые существенные моменты из жизни РАПП. Она возникла в начале нэпа и была задумана как организация пролетарских и близких к пролетариату писателей в противовес общему союзу писателей, группировавшему вокруг себя преимущественно «попутчиков». В обстановке усиления термидорианских настроений в верхах нэповского общества РАПП — в идее! — должна была и могла стать центром для

собрания активных сил для борьбы с вырождением революции. И неслучайно к ней вначале потянулось все молодое, радикально настроенное поколение интеллигенции города и деревни.

Своей «революционной» миссии, однако, РАПП, в условиях полного отсутствия демократической свободы, выполнить не удалось. Руководство в Ассоциации очень рано перешло — и отнюдь не в порядке «естественного отбора» — в руки деклассированных выходцев из рядов буржуазной интеллигенции, интимные связи с пролетариатом у которых были слабы и мимолетны. Эта радикальствующая интеллигенция политически формировалась в обстановке диктатуры и воинствующего анти-демократизма. Революционно - демократические и подлинно-пролетарские элементы в ней терпели поражение за поражением. Слабая на первых порах в смысле творческой прородукции своих членов, РАПП через свое руководство добивалась «признания» и почестей, очень рано перейдя на положение правительственного стипендиата. Это дискредитировало ее в глазах литературной общественности и привело к ослаблению ее морально-политического авторитета. Даже позже, в пору расцвета нэпа и несомненных творческих успехов ряда пролетарских писателей (Никифоров, Семенов, Фадеев и др.), в пору усиления в ней революционно - демократических тенденций РАПП не удалось стать собирателем и выразителем революционно - демократических устремлений, живших в недрах молодого общества.

Демократическая по своему социальному составу, политически - революционная по своим настроениям РАПП оказалась в плену официальной идеологии диктатуры и все больше становилась выразительницей не пролетариата и революционного крестьянства, а рупором революционной бюрократии. Ее революционно - демократические элементы, не имея силы высвободиться из мертвящего плена официальной идеологии, стали лихорадить всяческими «левыми» уклона-

тель Социалистического Интернационала и как раз в «левых» кругах Интернационала его слова нашли наиболее сильный отклик и одобрение. Тов. Де-Брукер прав: социалисты должны ненавидеть войну; они не должны ее бояться. Революционные социалисты — пацифисты. Но они не могут и не должны быть догматиками пацифизма...

Военная политика всех социалистических партий претерпевает за последние год-полтора медленное, но неуклонное и очевидное изменение. Но это изменение происходит чисто эмпирически — в порядке практического разрешения отдельных вопросов международного или внутреннего (вооружения) порядка. Социалистический Интернационал живет еще до сих пор во власти переживших себя идейных традиций и не находит в себе силы поставить вопрос о военной политике социализма в полном объеме, т. е. теоретически: в после-военном социализме «теория» вообще особым почетом не пользуется! Специальная комиссия, избранная Исполкомом РСИ для обсуждения упомянутых выше «тезисов», погрузилась в анабиоз после первого-же заседания.

Но этот эмпиризм связан с величайшими опасностями для социализма. Практически все партии Интернационала уже сейчас считаются с какими-то активными формами участия социализма в возможной будущей войне. Практически они заранее отказываются от полити-

ки «нейтралитета» и от абсолютного пацифизма. Практически они меняют свое отношение к проблеме вооружения и обороны страны, и лозунг: «ни одного человека и ни одного гроша» выходит из употребления. Практически все они готовы идти в известных условиях «на риск войны». Но этим дело и ограничивается.

А между тем не менее, а еще более, чем разрыв с догматическим пацифизмом, важна с социалистической точки зрения другая сторона вопроса — тот специфический социальный характер грозящей войны, которым только и оправдывается изменение военной политики социализма и которым должна будет определяться его политика в ходе войны.

Конечно, все более или менее соглашались в том, что в этой войне социализм должен будет занять позицию «против фашизма», хотя двусмысленная декларация некоторых товарищей против «войны идеологий» или «крестового похода против фашизма» и в этом случае вызывает некоторое недоумение. Но во всяком случае эта общая фраза сама по себе еще очень мало говорит о характере активного участия социалистов в возможной будущей войне. Наоборот, в таком общем виде этот лозунг может сыграть такую-же плачевную роль, какую в войну 1914-1918 гг. сыграли лозунги «против царизма» или «против прусского милитаризма». Как раз капиталистическая буржуазия может воспользоваться им, чтобы снова ввести в обман трудящиеся массы и их руками — не разгромить фашизм, а лишь переместить его «узловой» пункт; мировую «цель войны» пролетариата пре-

ми, впустую тратя силы на схоластические споры во круг «творческого метода» и теории «живого человека». И при всем том кое-какие «левые» настроения, пробивавшиеся внутри РАПП вопреки «руководству» на излете нэпа, были не только искренни, но, по сравнению с «советизмом» иных «попутчиков», мирно вставших в «социализм» — эти настроения были общественно-прогрессивны.

Генеральная линия внесла глубокие изменения в структуру РАПП. Нездоровые тенденции ее развития усилились. РАПП стала литературным официальным диктаторской власти. На нее возлагаются ударные задания во всесоюзном масштабе, среди которых самым крупным явилось уничтожение ростков марксистской критики (разгром Воронского, школы Переверзева, борьба с «троцкизмом»). Численно РАПП растет в это время не по дням, а по часам: стать членом РАПП становится вопросом жизни для писателя, некоторой страховкой от террора официальной критики. В РАПП устремляется и молодая литературная поросль провинции, кичащаяся своим радикализмом и социальной безродностью, являющейся, де, самой надежной гарантией быстрого и стопроцентного усвоения «пролетарской» идеологии. Искренние революционно-демократические элементы внутри РАПП явно не поспевают за своими ретивыми молодыми собратьями, овладевающими «командными высотами» организации, и в конце концов примиряются с тем, что тащат их на буксире по бурной реке первой пятилетки.

Только позже, после разгона, обнаружилось, сколько тайной ненависти, сколько злобы скопилось в сердцах не только многих «попутчиков», но и в душах самих членов РАПП к собственной организации. Недаром день 23-го апреля был внесен в литературный календарь, как день праздничный. С тех пор ежегодно в этот день — как в день Пасхи — писательская общественность в лице нового руководства усиленно за-

нимается воспоминаниями обо всех обстоятельствах своего «исхода из Египта».

Но среди всех уже отпразднованных годовщин «исторического постановления ЦК ВКП» нынешний 5-летний «юбилей» побил все рекорды цинизма. Пресмыкавшиеся 5 лет назад перед РАПП и ее секретарем Авербахом люди сегодня вспомнили все свои обиды и с лихвой воздали старым обидчикам: «В то время как беспартийные советские писатели устремлялись к непосредственному участию в нашей жизни», Авербах, мол, «отталкивал их от советской жизни, выдвигая схоластический лозунг диалектико-материалистического метода... В то время как в среде старой писательской интеллигенции происходил важнейший политический перелом и все большее число проникалось глубоким интересом к социалистическому строительству, активно становилось на сторону социализма, Авербах, выдвигая лозунг «союзник или враг», стремился расколоть беспартийных писателей, натравить их друг на друга, затруднить их слияние в единую семью советских писателей» — патетически восклицает передовик «Литературной Газеты», явно лстя анонимному и им же самим изо дня в день заушаемому «беспартийному писателю», как в свое время он поклонялся им же заушаемому «пролетарскому писателю».

«Авербаховские опричники» всюду вносили «дух сектантства, непримиримости, групповщины, дух презрения к принципам демократии», — благоговейно-трусливо озираясь на сталинскую конституцию, пишут дежурные Пришибеевы. Литература времен РАПП была, оказывается, «трамплином для совершения карьеры»: «Сколько было создано дутых репутаций, сколько оклеветано преданных народу писателей», — восклицают те самые литературные чиновники, которые недавно по указке диктатуры ликвидировали ряд искренних и преданных народу писателей.

Частично «юбилей» был использован для разоблачения кое-каких «репутаций», неоспоримых еще вчера, но

вратить в национальную задачу буржуазии той или иной страны, разгром германского фашизма — в разгром фашистской Германии, победу над определенным общественным строем — в победу одних стран над другими.

Разрыв с абсолютным пацифизмом без одновременной отчетливой постановки тех социалистических задач, которые должен будет ставить себе пролетариат в связи с войной, и, следовательно, тех сложных проблем борьбы за власть в самом ходе войны, которые встанут перед ним, включает в себе опасность скатывания к самой вульгарной политике «бургфридена» или «священного единения». Но именно тот особый характер надвигающихся на человечество войн, о котором говорилось выше, делает такую политику в нашу эпоху еще бесконечно более опасной, чем она была два десятилетия тому назад.

Свойственные капитализму неустрашимые внутренние противоречия могут и, в конце концов, неизбежно должны разрывать ту связь «фашистских» настроений, которая объединяет весь капиталистический мир, и бросать друг на друга в кровавой схватке отдельные национальные отряды капиталистической буржуазии. Но, чем более в ходе войны будет вскрываться ее подлинный социальный смысл, тем более и в общей, и в военной политике враждующих между собою отрядов капиталистической буржуазии будет брать верх над всеми другими соображениями общий всем инстинкт классового самосохранения. И потому в современной исторической обстановке политикой «священного еди-

нения» пролетариат мог бы добиться лишь одного результата: он собственными руками помог бы сохранению гниющего капиталистического строя, и притом сохранению в оболочке не более или менее демократического, а фашистского государственного строя; он собственными руками способствовал-бы, быть может, перемещению «жизненного центра» фашизма из Германии и Италии в Англию и Францию, но вместе с тем сделал бы «фашистским» весь капиталистический мир; он собственными руками на десятилетия уничтожил бы всякую возможность своего социального освобождения.

У меня нет места, чтобы в рамках этой статьи возвращаться к трудной проблеме борьбы за власть в ходе войны и к той роли, какую может, при известных условиях, сыграть в этой борьбе Советский Союз. Мне остается пока отослать читателей к тому, что я раньше писал по этому вопросу, и к тем «тезисам», о которых говорилось выше. Здесь же всего еще несколько слов.

Борьб за власть в ходе войны можно, «пораженчески» борясь против войны или, наоборот, борясь за то, чтобы взять руководство войной в свои руки. Пример успешной борьбы первого рода дали русские большевики. Пример второго рода — французские якобинцы: они были против войны, к которой стремились жирондисты, и делали все для сохранения мира; но когда война была им все-же навязана, они поставили себе (и осуществили) задачу — во имя успешного ведения войны, как войны против надвигавшейся на революционную Францию феодально-

сегодня объявленных «дутыми». Наибольшую сенсацию вызвала опала Киришона, Афиногенова и Бруно Ясенского. Поводом для расправы с Киришонов послужила его последняя пьеса «Большой день», в которой изображен конфликт между молодым и старым поколением командного состава Красной армии. Что такой конфликт имеется в реальной действительности, не подлежит сомнению, но ведь советская критика недаром выросла на тезисе: тем хуже для фактов и... для писателей. Сама пьеса, однако, только повод. Настоящей причиной опалы всех трех писателей является их былая связь с РАПП-овским руководством и, в частности, с Авербахом, т. е., в конечном счете, с тою, «революционной» и «старо-большевистской», бюрократией, которая подвергается теперь беспощадной «чистке» и сменяется новым бюрократическим поколением.

«С. В.» не шадил Авербаха, когда он был на вершине славы «генерального секретаря от литературы», и у нас не может быть причин замазывать ошибки Авербаха теперь. Несомненно, однако, то, что хотя и поздно, Авербах в середине первой пятилетки хотел повернуть руль литературной политики в ту сторону, которая им самим была дискредитирована в пору его восхождения к власти. Он стал делать попытки опереться внутри РАПП на революционно-демократические элементы и мобилизовать их под флагом теории «третьего фронта», одним из авторов которой он был и за которую скрывался как будто призыв к борьбе с бюрократическим вырождением диктатуры в интересах демократического завершения революции. Мобилизация эта не удалась и не могла удалась, ибо на деле борьба за «предотвращение бюрократического вырождения диктатуры сводилась для «руководства» РАПП к защите позиций «старо-большевистской», по своему прошлому «революционной» бюрократии от напора начавшей вытеснять ее бюрократии новой, «по-революционной», состоявшей в значительной части своей из будущих «непартийных большевиков». Революционно-демократической писательской массе было, естественно, нечего делать в этом «споре» бюрократических «славян между собою». Но именно эта «теория третьего фронта» и явилась теперь предметом особого негодования нынешнего руководства писательского союза, — рупора этой «по-революционной» бюрократии: Что это еще за «третий фронт»? «Против кого?» — спрашивают новые секретари союза.

Для морального облика этой пореволюционной ли-

монархической реставрации, взять власть и вместе с нею руководство войною в свои собственные руки.

Как известно, «тезисы» постулируют — в зависимости от группировки международных сил — оба эти метода борьбы за власть в ходе войны. Но опять-таки надо помнить: ни «пораженческие» методы борьбы за власть в странах «германской» коалиции, ни «якобинские» в странах коалиции «анти-германской» не могут быть простым повторением того, что делали большевики 20 лет тому назад или французские революционеры полтора века тому назад. И тут «повторение» может быть только «диалектическим», повторением «на высшей ступени».

Но ко всем этим трудным и сложным вопросам придется, вероятно, не раз еще возвращаться, если только международная социалистическая мысль поставит наконец перед собою вплотную поистине жизненные проблемы военной политики социализма в эпоху упадка и фашистского вырождения капитализма.

литературной бюрократии характерно, что политическая дискредитация РАПП-овского руководства производится в сугубо схоластических формулах, понятных только избранному меньшинству, а главное ударение делается на моральной дискредитации. Так, особому разному подверглась (поддержанная в свое время Горьким и долго рекламировавшаяся всею «общественностью») книга о Беломорстрое, задуманная еще в авербаховские времена. Объявленная в свое время исключительно блестящим начинанием и единым венцом славы покрывавшая головы Ягоды и «самого» Сталина, она сейчас попала на свалку истории. Но не бесвкусная роскошь книги о Беломорском канале и не сусальное изображение вредителей и преступников, по мановению чекистской палочки превращающихся в «строителей социализма», вызывают гнев критики — тень ныне развенченного Ягоды и Авербаха, превратившего это начинание в «кормушку» для писателей, беспокоит ее чуткую совесть. Это сказалось и в осуждении (тоже вызвавшей в свое время умиление Горького!) книги о Болшевской трудовой коммуне: «Ведь в ней все — Ягода, все — от Ягоды, все — через Ягоду, все — при помощи Ягоды! А люди, которые делали эту книгу (увы, именно «делали»!) — и в частности Горбунов, не понимали, что они делают ненужное и вредное для нашей литературы дело»... Кто-же мог в самом деле предвидеть, что всемогущий вчера Ягода будет завтра компрометировать своим уголовным соседством «великого вождя народов»?!

В огне поздних разоблачений «ошибок и преступлений» Авербаха сожжению предаются пролетарские элементы официальной идеологии генеральной линии. На фоне юбилейных речей и статей значение событий, происходивших пять лет назад, выступает с полной отчетливостью. Это празднует пятилетие своего неуклонного восхождения к вершине советской социальной пирамиды новый слой бюрократии, и на литературном секторе сменяющий бюрократию «старо-большевистскую», сохранившую свои «революционные» традиции, но обеспокоенную и обессиленную своей неспособностью прорвать идеологически и политически порочный круг исторически пережившей себя диктатуры и найти широкую, демократическую дорогу к тем трудящимся массам, которые поставили ее некогда во главе революции.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках ГАЗЕТТ

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

П. ГАРВИ.

Испытания испанской революции

Недавняя победа народной армии на Гвдалахарском фронте зажгла сердца всех врагов фашизма в самой Испании и за ее пределами надеждой на скорое сокрушение генеральского мятежа, инспирированного и поддерживаемого Гитлером и Муссолини. Но именно эта активная помощь двух самых мощных фашистских держав затягивает гражданскую войну в Испании и придает ей исключительно безжалостный характер войны на истребление. К ожесточению, присущему всякой гражданской войне, присоединяется холодная и ни перед чем не останавливающаяся жестокость современной «тотальной войны», олицетворенной в стратегии итало-германских дивизий, орудующих на территории Испании.

Герника!.. Еще недавно мало кто знал за пределами Испании название этого небольшого городка, бывшего некогда столицей басков и колыбелью их — древнейших в современной Европе — демократических учреждений. Теперь это имя стало символом бесчеловечной жестокости фашизированного милитаризма. Попытка Гитлера и Франко свалить вину за разрушение незащищенного города и за сотни трупов детей, женщин, стариков на самих «красных» басков, вызвало пламенный протест главы баскского правительства, верующего католика и националиста-демократа. Дель Вайо, министр иностранных дел испанской республики, требует рассмотрения вопроса о виновниках разрушения Герники Лигой Наций. Политика невмешательства поистине превратится в политику попустительства интервентам, если ведущие державы Лиги Наций, в разрез с возмущенным общественным мнением всего мира, и на этот раз сохраняют сомнительное «хладнокровие», чтобы еще раз капитулировать перед насильниками! Но на этот раз имеются все же основания ожидать некоторого реального поворота в испанской политике Англии, поворота, который снимет пути и с испанской политики французского правительства Народного Фронта.

Бурю возмущения вызвало в английской печати заявление одного из официозов Гитлера, что о морали и человеколюбии Англия вспоминает лишь тогда, когда задеты ее материальные интересы. Не Гитлеру, конечно, готовящему войну под маской миролюбия, обвинять других в лицемерии и двуличии. Но, к сожалению, доля истины имеется в язвительном замечании национал-социалистической газеты, поскольку речь идет о внешней политике британского консервативного правительства. Не случайно, что именно гром от разрывов бомб в Гернике и Бильбао проник в плотно заткнутые ватой уши английских дипломатов. На бискайском побережье, изобилующем знаменитой железной рудой, интересы военной промышленности Англии и Германии сталкиваются самым непосредственным, можно сказать, оголенным образом.

Разумеется, и интересы охраны морских сообщений Англии с ее империей достаточно сильно давят на политику Идена-Болдвина в испанском вопросе. Но после захвата испано-африканских железных руд немцами явное стремление Германии лишить английскую военную промышленность и бискайской руды, которой она располагала до самого последнего времени почти монополично, толкает правительство Великобритании на путь более активной политики, в частности такого истолкования политики невмешательства, которое лишало бы

эту политику ее одностороннего — во вред республике — характера, ограждало бы свободу морей для невоенных грузов и допускало бы оказание помощи бедствующему безоружному населению осажденных городов.

На эту «железную» основу англо-германского столкновения интересов в бискайском районе с заслуживающей признательности откровенностью указал орган Шахта «Der Deutsche Volkswirt». Правда, он говорит о «железной» заинтересованности английской военной промышленности, но умалчивает о германской. Между тем эта прямая заинтересованность Германии объясняет многое в последних событиях в северо-западном углу Испании. Разумеется, для германского генштаба немалое значение имеет и возможность на опыте проверить новые виды оружия и новые методы стратегии (внесение паники в тыл противника). Но опытное поле для «репетиции» тотальной войны было выбрано не случайно в автономной республике басков, богатой высококачественными рудами.

Правда, эффект получился обратный тому, на который рассчитывало испанское отделение германского генерального штаба. Басков застрашать не удалось: только после Герники они окончательно связали свою судьбу с делом испанской республики *). Не удалось и поднять престиж фашистского оружия, которому был нанесен удар на гвдалахарском фронте: разрушение бомбовозами незащищенного города и массовое убийство его безоружных жителей вызвали только взрыв негодования во всем мире.

Этот невесомый фактор, как и в мировой войне, скажется под конец в весьма веской форме. Эвакуация из осажденного Бильбао десятков тысяч женщин, детей и стариков, предпринятая Англией и Францией под защитой их военных судов, является, конечно, чисто «краснокрестовской» операцией, а вовсе не нарушением принципа невмешательства, как облыжно утверждают Франко, Гитлер и Муссолини, подготавливающие Бильбао участь Герники. Но эта краснокрестовская операция знаменует такой поворот в общественном мнении Англии и Франции, как и всех других демократических стран, который сможет возыметь в будущем и крупные политические последствия.

К несчастью, под сильнейшую угрозу ставятся благоприятные последствия этого поворота мирового общественного мнения в сторону республиканской Испании теми трагическими событиями, ареной которых стала Барселона. В то самое время, как ген. Франко, под влиянием гвдалахарского поражения, счел нужным положить конец многообразию партийно-военных образований и осуществить единство командования и управления, в тылу республиканской народной армии, в Каталонии, и особенно в ее столице, Барселоне, разыгралась почти на виду у крейсирующих вблизи берегов итальянских и германских военных судов вспышка братоубийственной борьбы.

Эта вспышка явилась неожиданностью только по своей форме — уличного боя — и по времени — после Герники и накануне генеральной атаки ген. Мола на Бильбао. Но по существу события в Барселоне не были неожиданностью. И в предыдущем номере «Соц. Вестника» мы уже вкратце объяснили, почему Каталония является «самым слабым местом антифашистского фронта».

Парижский орган коммунистов «Юманитэ» сильно

*) Не случайно ген. Франко, чтобы загладить впечатление от Герники, опубликовал 9 мая «манифест» с обещанием предоставить баскам автономию после «освобождения» (?) бискайской территории.

облегчает себе задачу, когда объясняет барселонскую драму, как восстание, совместно устроенное агентами Франко и «троцкистами», прикрывшимися де маской анархизма. Возможно, что тайные агенты Франко, сознательно раздувая искры недовольства в анархистских низах, действительно приложили руку к вооруженному выступлению 3 мая. Возможно, что и местные троцкисты своими «левацкими загибами» сыграли некоторую роль в этой несчастной попытке применить к власти, образованной из представителей рабочих партий и организаций, «критику оружием». Это не освобождает троцкистов от тяжелой политической ответственности, но и не делает их «прямыми агентами Франко», как не были «прямыми агентами Вильгельма» русские большевики, пытавшиеся силой штыков навязать свою волю советам в дни 3-5 июля 1917 г., как не были «агентами Антанты» и левые эсэры, поднявшие в июне 1918 г. восстание против большевиков.

Если бы события в Барселоне точно были бы делом рук Франко и его «троцкистских приспешников», то руководящие рабочие организации Каталонии не искали бы компромисса с восставшими, а центральное правительство в Валенсии не сочло бы нужным в своем первом обращении к населению Каталонии заявить, что оно «не считает враждебной себе ни одну антифашистскую организацию», и вместе с тем выразить надежду, что «люди, поднявшие оружие в порыве политической страсти или под влиянием провокаторов, немедленно его сложат».

Выяснить причины обострения политических страстей в Каталонии, особенно в Барселоне, можно только обратившись к истории рабочего движения в этой части Испании и проанализировав создавшуюся в ней в последнее время обстановку.

Со времени Бакунина анархисты неизменно господствуют в рабочих кварталах Барселоны, да и во всей Каталонии их влияние очень сильно. За эти долгие десятилетия анархисты проделали огромную и неровную эволюцию. Тактика индивидуального террора и динамитной «пропаганды действием» завела испанский анархизм в тупик. Лишь усвоив, примерно с 1910 г., методы французского анархо-синдикализма, испанский анархизм нашел путь к широким массам. В ходе революции 1931-36 гг. анархисты и руководимая ими «Национальная Конфедерация Труда» то действовали совместно с социалистической партией и руководимым ею «Всеобщим Союзом Рабочих», то вступали с ними в острые, даже вооруженные конфликты. Лишь выступление Франко и появление фашистских интервентов заставило анархистов прекратить опасную игру в принципиальную анти-государственность и аполитицизм.

В решающие дни и часы военного провозглашения ген. Франко спонтанное выступление анархистских и под влиянием анархистов находящихся рабочих Барселоны спасло дело испанской демократии. Они, естественно, почувствовали себя хозяевами положения в Каталонии, превратив законную власть «генералата» в фикцию и закрепив свое влияние в реальном правительстве, в центральном комитете рабочих милиций. Партизанщина, естественная в таких условиях, надолго укоренилась в Барселоне. Национальное самостийничество еще больше осложняло положение.

Воспитание анархистов к государственности шло в Каталонии с особенной медленностью, вызывая один правительственный кризис за другим. В рабочих низах анархистские идеи безначалия и социально-экономического максимализма продолжали жить даже тогда, когда руководители анархо-синдикализма под влиянием военной обстановки на практике вынуждены были на тех или иных условиях участвовать

в правительстве, усваивать азы дисциплины и централизации.

Рано или поздно разрыв и даже взрыв должен был наступить. Продолжение партизанщины в военном деле и в области народного хозяйства создавало угрозу поражения на фронте. Но всякая реальная попытка централизации военного и административного аппарата рассматривалась в анархистских — и троцкистских — рабочих кругах Каталонии как попытка «разоружения рабочих», как «измена революции», как «отказ от немедленной социальной революции».

В некоторых случаях диктаторские повадки и поползновения коммунистов подливали масла в огонь, питая раздражение и порождая недоверие как среди рядовых анархистов, так и среди троцкистов, руководящих ПОУМ'ом.

Поводом к выступлению послужили, повидимому, централизаторские меры центрального и местного правительств, продиктованные военной необходимостью. Центральное правительство испанской республики единодушно заявило в своем обращении к каталонскому народу в самый разгар трагических событий, что «республиканская власть не находится на службе у какой-либо отдельной партии или группы» и что «ее единственная цель — победа над фашизмом». Это напоминание явно рассчитано было на то, чтобы рассеять существующие в известных кругах рабочего класса и эксплуатируемые безответственными элементами опасения, как бы вызываемая военной необходимостью централизация не проложила дороги политической гегемонии, а после победы над фашизмом, и диктатуре «какой-либо отдельной партии или группы».

Более 200 убитых и 400 раненых — таков ужасный итог уличных боев в Барселоне. Спешно реорганизованному генералату удалось при поддержке представленных в нем рабочих организаций и партий овладеть положением сначала в центре Барселоны, а потом и в рабочих пригородах. Центральное правительство в Валенсии, в котором представлены все антифашистские партии и союзы, включая Национальную Конфедерацию Труда, взяло на себя полное восстановление порядка в Каталонии, действуя при этом столько же под давлением военно-революционной необходимости, сколько и на формальном основании конституции каталонской автономной республики. В Барселону были направлены 5.000 солдат и полицейских и моторизованные части. В своем заседании от 9 мая правительство Валенсии постановило: 1) произвести следствие о виновниках анархического мятежа, которые понесут заслуженную кару и 2) разоружить население, даже если бы для этого пришлось применить силу.

Правительство Валенсии в своих заявлениях печати подчеркивает, что успешная ликвидация анархистского мятежа доказала силу и спаянность республиканской власти: несмотря на мятеж в тылу, фронт ни на минуту не дрогнул. Но было бы ошибочно предаваться излишнему оптимизму и центр тяжести полагать в мерах полицейской репрессии.

Более сложное — и более правильное — объяснение каталонских событий, которое дало в своем первом обращении правительство Валенсии, должно побудить его изыскивать и применять другие методы для предупреждения новой вспышки гражданской войны внутри пролетариата, могущей роковым образом повлиять на исход общей борьбы против фашизма.

Барселонские события напоминают о сложной проблематике испанской революции. С победой над фашизмом и с освобождением испанской территории от интервентов эта проблематика не будет «снята», а лишь встанет по настоящему на очередь исторического дня.

Слишком разнородны элементы, образующие антифашистский фронт, слишком различны их политические концепции и социальные идеалы, чтобы уже сейчас, до достижения «единственной цели — победы над фашизмом», можно было бы на практике заняться решением или предпринятием основных проблем будущего.

Произойдет ли в ходе и под влиянием общей борьбы с фашизмом постепенное воспитание анархистов к государственности, коммунистов к демократии и мелкобуржуазных демократов к социализму? От того, как далеко зайдет это стихийное «воспитание действием», зависят перспективы испанской революции после победы над фашизмом. Организация этой победы без утраты демократической основы Народного Фронта — такова задача дня.

ЗАГРАНИЦЕЙ

К ТЕРРОРУ ПРОТИВ РУССКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

В центральном органе французской социалистической партии «Попюляр» тов. Брак поместил 9 апреля следующую статью, озаглавленную «Тревожное молчание»:

На запрос Марселя Кашена я имел в свое время (25 апреля и повторно 2 мая) случай дать ответ, к которому он впрочем отнесся, повидимому, не с большим вниманием, чем к вопросу, который я поставил ему в свою очередь *).

Вопрос этот был связан с указанием на усиление репрессий против социалистов в СССР. Еще тогда, когда наша партия получила памятную телеграмму из Казани, в которой русские социалдемократы — меньшевики, вопреки арестам и преследованиям, обрушивающимся на них, приветствовали нашу работу над восстановлением единства рабочего класса, — еще тогда последствием легальной посылки этой телеграммы был их арест и, после тюремного заключения, срок которого был укорочен их голодовкой, ссылка их в Сибирь, в Камень. Мотив: телеграфируя от имени меньшевиков, они возобновили запрещенную «фракционную работу».

И однако, все помнят, что не только Блюм в «Попюляр», но и Марсель Кашен в «Юманите» приветствовали эту благородную телеграмму, как «ценную поддержку».

Авторами этого акта безоговорочной пролетарской солидарности были Сергей Ежов (Цедербаум), брат незабвенного Ю. Мартова, и жена его, Конкордия Захарова, принадлежащие оба к числу наиболее известных борцов русского профессионального рабочего движения и русской социалдемократии.

И вот оба они находятся вновь в числе арестованных в конце марта. Несмотря на болезнь и возраст (обоим им под шестьдесят), им снова пришлось прибегнуть в Ново-Сибирской тюрьме к голодовке, естественно вызывающей сильнейшее беспокойство у их русских и французских друзей.

К несчастью, неоднократные шаги всякого рода, предпринятые для получения справок о их судьбе и состоянии их здоровья, остались без ответа. И это полное молчание советских властей не может не вызывать наихудших опасений.

*) Марсель Кашен спрашивал в своих статьях в «Юманите» французских социалистов, как относятся они к позиции, занятой некоторыми швейцарскими социалистами в вопросе о запрещении коммунистической партии, поставленном в кантоне Невшатель на народное голосование (и голосованием этим разрешенном в положительном смысле). В своих статьях т. Брак отвечал, что, само собою разумеется, французские социалисты ни в коем случае не могут солидаризоваться с теми швейцарскими товарищами, которые отнеслись к такому референдуму «нейтрально», а то и сочувственно. Со своей стороны т. Брак поставил Марселю Кашену вопрос об отношении французских коммунистов к той новой волне репрессий против русских социалистов, сведения о которой как раз в это время дошли до Франции. Этот вопрос т. Брака Марсель Кашен оставил без ответа. — Ред.

Ни сенсационные аресты высоких сановников московского правительства, ни громкие процессы против «старых большевиков» не должны отвлекать внимания от возобновления и усиления репрессий против социалистов всех толков в СССР.

Брак.

СТАТИСТИКА ГИТЛЕРОВСКОГО ТЕРРОРА.

В издаваемом секретариатом РСИ Бюллетене (от 12 апреля) приведены нижеследующие данные о терроре в гитлеровской Германии, почерпнутые исключительно из самой национал-социалистической печати и потому по необходимости неполные.

В 1936 году в Германии имели место следующие массовые процессы против антифашистов: Вуппертальский — 600 подсудимых, Гамбургский — 570, Эльмхорнский — 270, Штуттгартский процесс молодежи — 60, Цейцский — 150, процесс Дуйсбург-Хамборн-Дюссельдорфского хлебозавода — 600, Любекский — 250, Кильский — 60 и второй Гамбургский — 150. В одних только этих массовых процессах около 3.000 антифашистских борцов были приговорены в общей сложности к более чем 9.000 годам тюрьмы.

Сверх того в 609 дробных процессах было в 1936 году приговорено за политические преступления 3.283 подсудимых в общей сложности к 8.249 годам тюрьмы. Таковы данные — повторяем: далеко неполные! — самой национал-социалистической печати.

В этих процессах было вынесено 15 смертных приговоров, из которых 10 приведено в исполнение. 18 подсудимых были приговорены к пожизненному каторжному заключению, 56 — к 10-15 годам каторги.

Из осужденных было: 1.023 социалдемократа и профсоюзника, 898 коммунистов, 157 членов Социалистической Рабочей Партии, 330 членов общества для изучения Библии, 41 духовное лицо (католики и протестанты), 18 католиков, 28 иностранцев. 117 обвиняемых были осуждены за «преступление против расы».

Казнены были за политические преступления: Франц Зюсс, Рудольф Менцель, Вальтер Шевер, Вальтер Гельбке, Вильгельм Блессиг, Хельмут Кионка, Роберт Вендель, Эдгар Андрэ, Вальтер Воббрук и Иоганн Эггерт. Приговорены к смерти, но еще не казнены: Бруно Шретер, Хельмут Швейерс, Бруно Бланк, Вальтер Шульд, Вальтер Циммерман, Рихард Холцер, Адольф Шеффельс.

В статистику эту входит лишь террор, практикуемый в судебных формах. Она не включает многочисленные случаи истязания до смерти или простого убийства политических заключенных при допросе, в тюрьмах или в концлагерях.

Статистика — опять-таки неполная! — приговоров, вынесенных за годы после пришествия к власти Гитлера, дает следующую картину:

1933 год — 5.645 лет тюрьмы; 1934 — 9.619; 1935 — 12.093; 1936 — 17.249.

Таким образом за 4 года гитлеровского господства было вынесено в общей сложности приговоров более чем на 44.600 лет тюрьмы.

Свою заметку Бюллетень РСИ кончает: присоединение такой же статистики для Италии, Австрии и других фашистских стран во много раз умножило бы эти чудовищные цифры. Освободить окровавленное и страдающее человечество от этого ужаса — и за эту цель сражаются теперь в Испании!

К этим словам Бюллетеня РСИ мы, русские социалдемократы, вынуждены, с чувством негодования и стыда, прибавить, что через 20 лет после победы революции статистика сталинского политического террора, и притом террора, тоже направленного главным образом против коммунистов, социалистов и демократов, увы, не только «догоняет», но далеко «перегоняет» кровавую статистику любого фашистского или полуфашистского режима...

СЪЕЗД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ.

В конце марта состоялся в Чикаго чрезвычайный съезд Социалистической Партии Соединенных Штатов. Задача его была двоякая: в политическом отношении он должен был внести ясность в отношении партии к другим организациям, в организационном — реорганизовать партийный аппарат и партийную печать, чтобы повысить их дееспособность.

В организационном отношении наиболее важным было решение превратить выходящий в Нью-Йорке еженедельник «Социалист Колл» в официальный центральный орган партии. Отныне редакция и руководство газетой будут назначаться Центральным Комитетом.

В политическом отношении съезд принял решения по следующим вопросам: отношение к войне, новая профессиональная организация, Народный Фронт, Единый Фронт, отношение к Рабоче-Крестьянской Партии, кооперативное движение, сельско-хозяйственные проблемы и негритянский труд.

В военном вопросе была подтверждена традиционная позиция американских социалистов: самая резкая враждебность к капиталистической войне и ко всему, что может вызвать такую войну или оказать ей поддержку.

Новую профессиональную организацию (К. И. О. — Комитет Индустриальной Организации), основанную Джоном Льюисом, съезд приветствовал, как «одно из самых значительных явлений в американском рабочем движении». Все же, в интересах единства рабочего класса, съезд предостерег профсоюзы от слишком поспешного выхода из Американской Федерации Труда (старой профессиональной организации).

Идея Народного Фронта, объединяющего и буржуазные элементы, была категорически отвергнута. Зато в единогласно принятой резолюции съезд высказался за Единый Фронт в смысле совместных действий с другими организациями рабочего класса, особенно с организациями профессиональными. О коммунистах резолюция говорит:

«В вопросе о совместных действиях или едином фронте с коммунистами для защиты гражданских прав, для борьбы против милитаризма и войны или для борьбы за интересы безработных каждый случай предложения совместной кампании должен рассматриваться особо».

Для оценки этих случаев установлен ряд условий и требуется согласие соответствующего партийного центра (отдельного штата или общегосударственного).

По имеющему особую важность вопросу о возможности создания Рабоче-Крестьянской Партии (Ф. Л. П. — Фермер-Лэббер-Парти) в Америке съезд принял резолюцию, в которой говорится:

«Большое пробуждение рабочих требует, в виде логически ближайшего шага, решительного развертывания самостоятельной политической акции рабочего класса. Социалистическая Партия подтверждает поэтому еще раз свое положительное отношение и свою поддержку подлинной Рабоче-Крестьянской партии. Она поручает своим членам в профсоюзах, фермерских союзах и других массовых организациях всячески содействовать созданию такой партии, охватывающей всю страну. Там, где такие партии возникают в местном масштабе, следует требовать от них определенного обязательства содействовать созданию общегосударственной партии».

Участие Социалистической Партии в такой Рабоче-Крестьянской Партии было обусловлено между прочим следующими принципиальными положениями: Партия должна последовательно отстаивать интересы работников ручного и умственного труда. Она должна иметь поддержку решающих фермерских и рабочих организаций и в то же время принимать в свою среду и членов-одиночек. Она должна допускать вступление Социалистической Партии, как единого целого, или, по крайней мере, допускать вступление социалистов на условиях, совместимых с сохранением Социалистической Партии. Социалистическая Партия хочет иметь возможность продолжать свою работу, как политическая партия, внутри и вне такой Рабоче-Крестьянской партии. С. П. хочет иметь возможность вербовать членов, выступать со своей развернутой программой перед рабочими и особенно перед рабочими внутри Р.-К. партии и работать над созданием революционной социалистической массовой партии, чтобы подготавливать рабочих к революционной социалистической борьбе.

Съезд выбрал новый, расширенный до 15 членов, общегосударственный Центральный Комитет. Председателем избран Норман Томас, заместителем председателя Пауэрс Хэнгуд. Остальные члены Ц. К.: Девер Аллен, Мэррей Бэрон, Альберт С. Кулидж, Макс Дельсон, Дэвид Х. Х. Феликс, Джон Фишер, Хоуард Кестер, Майнард К. Крюгер, Уолтер Полоковский, Макс Раскин, Уорд Роджерс, Франк Н. Трэгер.

БОРЬБА ЗА РАБОЧИЕ ПРАВА В БРИТАНСКОЙ ГВИАНЕ.

Рабочий Союз Британской Гвианы, примыкающий к Рабочему Социалистическому Интернационалу, отпраздновал 7-го февраля в главном городе Демерара, 18-ю годовщину своего основания.

Из отчета о деятельности Союза за 1936 год, составленного неустойчивым секретарем Союза Губертом Критчловым, мы заимствуем следующие данные:

Майское празднование 1936 года было открыто уличным шествием, после которого состоялось собрание под открытым небом. Речи произнесло несколько ораторов, в том числе председательница Союза Иоханна Гаррис и секретарь Критчлов. В одной резолюции клеймилось разбойничье нападение итальянского фашизма на Абиссинию, в другой — предъявлялось правительство требование принять делегацию для выслушивания пожеланий рабочих по вопросам улучшения социальных и гигиенических условий их жизни.

В августе 1936 года Британскую Гвиану посетил английский депутат, член Рабочей Партии В. Лич, речь которого была с большим одобрением выслушана собранием Рабочего Союза.

В октябре 1936 года имела место стачка портовых рабочих, поддержанная Союзом. Длительную 12 дней стачку пришлось однако прекратить без результата, так как среди безработной молодежи оказалось немало штрейкбрехеров. Во время стачки на одном из собраний была принята врученная правительству резолюция с указанием на бедственное положение и требования безработных.

Рабочий Союз неоднократно устраивал публичные собрания. Число членов его, со включением секции молодежи, достигает 310 человек.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Новая Россия, № 26, 27.

Современные Записки, кн. 63.

Boletin de Informacion, № 3. Информационный бюллетень (на русском языке) Нац. Конфедерации Труда и Иберийской Федерации Анархистов. Барселона.

La Révolution Proletarienne, № 245, 246.

Moskauer Prozessgeheimnisse. Separatabdruck aus dem «Neuen Vorwärts». Karlsbad (немецкий перевод письма «старого большевика» из «С. В.»).

Nachrichten der Auslandsbüros «Neu Beginnen». April 1937.

A la Juventud combatiente obrero y campesina de todo el país. Publicaciones de Juventud comunista iberica. Barcelona.

Resoluciones de la Juventud Comunista Iberica.

Tarlas de las Juventudes Comunistas.

Der Kampf, Nr. 5, Mai 1937.

Que faire? № 29, mai 1937.

Frente Libertario, Organo de las Milicias Confederales (на немецком языке), № 7. Madrid.

RS-Briefe, Mai 1937. Arbeitskreis Revolutionärer Sozialisten. Gruppe der deutschen Sozialdemokratie. Prag.

Der Weker, Nr. 551. New-York.

Die Sozialistische Stimme, Nr 4. New-York.

Nurt, № 1. Warszawa.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 19/4, 23/4, 5/5.

Отослано: № № 10, 11.

“DER KAMPF”

INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.